

Пролог

Зовут меня Гильдебранд фон Альдерслебен, имя свое я получил по названию деревушки во Франконии, где и был произведен на свет почти полвека тому назад. Некоторые считают меня дворянином, а я всего лишь странствующий певец, шут, если угодно, человек вне закона, любой ландскнехт может отправить меня на тот свет, и ничего ему за это не будет.

Врожденная скромность не позволяет мне величать себя миннезингером¹, наподобие Рейнмара фон Хагенау или Нейдхарта фон Ройенталя, тем паче Освальда фон Волькенштейна, того самого, что, будучи одноглазым, вроде злополучного великана-циклопа Полифема, слагал стихи, которые и сегодня трогают людей до слез, и сочинял песни, которые исполнял в присутствии прекрасных дам. Его уж сто лет как нет в живых, и он был одним из лучших миннезингеров.

Что уж говорить о принадлежавшем к рыцарскому сословию Вальтере фон дер Фогельвейде, который был на короткой ноге с королями и императорами и своими любовными песнями приводил в неописуемый восторг всех женщин. Нисколько не сомневаюсь, что его стихами будут восхищаться, когда никто уже и не вспомнит, где Вальтер родился и где почил.

И меня, Гильдебранда-сказителя, ждет такая же участь. Но это отнюдь не нагоняет на меня тоску, совсем даже наоборот. В конце

¹ Миннезингер — средневековый поэт, певец, автор и исполнитель рыцарской («любовной») лирики: немецкое *Minnesinger* — певец любви. Во Франции таких музыкантов называли трубадурами. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

концов, я неплохо живу, рассказывая свои истории, которые пережил сам или услышал от других.

Народ жаждет занимательных историй еще больше, чем напыщенного миннезанга¹. Не зря же Библия стала книгой книг. Только попы и их ханжи-прислужники полагают, что все дело в посулах вечной жизни. Ничего подобного. Успех Библии зиждется на бесчисленных историях, повествующих о ревности и братоубийстве, супружеской измене и любовных утехах. Даже перед колдовством Библия не останавливается, хотя Папа Римский заклеил его как безбожие и, стало быть, самый тяжкий грех. Если б мне было суждено когда-нибудь повстречаться с понтификом, я бы задал ему один простой вопрос: а как он относится к умению Господа ходить по воде? Что это, если не колдовство?

Что до меня, то мне с моими рассказами ни с кем считаться не надо. Меня не волнуют никакие законы — ни природы, ни морали, поскольку я рассказываю истории из жизни. А у жизни свои собственные законы. Законы, которые кому-нибудь да обязательно не нравятся. Законы — такая же сомнительная штука, как обещание вечного блаженства, ведь никто еще не привел доказательств его существования. Посудите сами: правила, определяющие ход жизни на одном берегу реки, на другом или, скажем, за горой уже не действуют, там их даже высмеивают, ибо в тех местах совсем другие законы, над которыми мы, в свою очередь, потешаемся.

Я, Гильдебранд-сказитель, не боюсь рассказывать истории о колдунах и ведьмах. Даже дьявол, про которого многие утверждают, что его вовсе нет, в то время как иные одержимы им, играет в моих байках отнюдь не последнюю роль. Встречаются сограждане, считающие, что все это плод моей фантазии, точно так же, как стихи величайшего из сказителей по имени Гомер, которому все мы в подметки не годимся. Впрочем, пусть у каждого будет на этот счет свое мнение.

Хотя должен признаться, что и я рассказывал о странах, столь же чужих мне, как вновь открытые земли по другую сторону

¹ Миннезанг — жанр немецкой средневековой рыцарской поэзии, являвшийся ведущим жанром куртуазной литературы на протяжении последней трети XII и всего XIII веков.

большого океана, где ни разу не ступала моя нога. Но разве в этом дело? Если мне удастся оживить незнакомую страну в воображении человека, я считаю свою цель достигнутой. Тогда уже совершенно неважно, какие цветы цветут на лугах — простая смолевка или диковинные, которые ни одна душа не видела и не знает их названия. Для сказителя важно другое: кто кого повстречал на этом лугу — рыцарь своего заклятого врага, разбойник кутилу, юноша свою возлюбленную или похотливый монах робкую деву.

За свою жизнь, полную захватывающих приключений, я познакомился с множеством людей, заслуживающих того, чтобы рассказать о них. То и дело на моем пути попадались женщины, для которых я становился объектом вожделения, и наоборот. Но мой образ жизни — сегодня здесь, завтра там — не позволял уделить им больше времени. Что прискорбно — с печалью и сожалением заключаю я сегодня. Но в конце моей насыщенной событиями жизни я осознал: бродячий сказитель, вагант и шут не может странствовать с подругой. В сказителе живет тоска мужчины по женщине. И это вожделение, сладострастие, ненасытность — называйте как хотите — красной нитью проходит через все байки, сохранившиеся в моей памяти.

К самым трогательным и волнующим относится следующая история. Кстати, это единственное повествование, которое я запечатлел на бумаге, — долгая была канитель. Ибо насколько легко и стремительно мысли слетают с моего языка, настолько же тяжело мне дается в немоте записывать их неловкой рукой. Язык дан человеку с рождения, навыки письма ему еще суждено усвоить.

А потому простите, если я порой вульгарен и пишу, как говорю. За этим не кроется никакого умысла. Высокопарные словеса — удел Лютера, мятежного монаха из Виттенберга. Но и тот нередко впадает в банальность. Я пишу, как Бог на душу положит и как принято в среде, в которой вращалась героиня моего повествования.

Так что не ждите от меня рассказов, дурманящих, словно волшебные цветы. Уж больно жизнь у нас приземленная — в особенности у прекрасной Магдалены. Ее истории любви и пагубной страсти, счастья и страдания, добродетели и порока, набожности и безбожия хватило бы на три жизни; и все же это одна-единственная жизнь, о которой я и собираюсь вам поведать.

Глава 1

В полночь в дормитории, монастырской спальне, оглушительно зазвенел колокольчик, созывая монахинь к заутрене, первой службе нового дня. От двери вытянутого в длину общего спального зала раздался сухой, хрипловатый голос аббатисы:

— Поднимайте свои грешные тела и славьте Господа! Марш отсюда!

Семьдесят монахинь и послушниц сонно пробормотали «Благодарение Господу!» и выбрались из своих грубо сколоченных, покрытых соломенными тюфяками сучковатых ящичков, которые служили им кроватями. Вдоль каждой стены стояло соответственно по тридцать пять ящичков, обращенных изножьем друг к другу, так что оставался лишь узкий проход между рядами. Справа от каждой кровати стоял стул, куда на ночь складывалось монашеское одеяние.

Магдалена, получившая четыре года назад при поступлении в монастырь орденское имя Летиция, откинула колючее покрывало и в оцепенении присела на краю кровати. Через грубую длинную холщовую рубаху, которую она, как и все остальные монахини, не снимала ни днем, ни ночью, в ноги больно врезалась необструганная древесина. Магдалена замерла на секунду, бросив взгляд на маленькое незастекленное оконце на противоположной стороне. Она поежилась. В лицо ударила затхлая ледяная струя воздуха. Лишь в самые трескучие морозы окна затыкались мешками с сеном.

Среди всех самоистязаний, которые орден цистерцианцев¹ налагал на монахинь, это казалось Магдалене самым непостижимым: она никак не могла взять в толк, почему дрожащая от холода монахиня будет ближе к Богу, нежели спящая в теплой постели. Впрочем, загадка нашла вразумительное объяснение уже через несколько ночей, проведенных в общей спальне, когда Магдалена — она не поверила своим ушам — поздней ночью услышала неподобающие звуки. Неподобающие потому, что иначе чем недвусмысленным

¹ Цистерцианцы (*лат. Ordo Cisterciensis, OCist*), белые монахи, бернардинцы — католический монашеский орден, ответвившийся в XI веке от бенедиктинского ордена. Выдающуюся роль в становлении ордена сыграл святой Бернард.

свидетельством чувственного наслаждения их истолковать было нельзя, а это явно противоречило обету целомудрия цистерцианок.

Вскоре Магдалена четко усвоила, что в женском монастыре, как и в нормальной жизни, имели место и вражда, и любовь. Что касалось любовных отношений, то они были такой же тайной за семью печатями, как «Откровение» святого Иоанна Богослова. Сравнение отнюдь не беспочвенное, поскольку и то и другое давало массу возможностей для толкования.

Безусловный факт — это то, что официально монахини жили в своем монастыре Зелигенпфортен (что означало «Врата блаженства»), расположенном в долине реки Майн, в смирении и целомудрии, строго по заветам святого Бенедикта. Втайне же, преимущественно по ночам, они давали волю своим чувствам и телесным потребностям.

Аббатиса Зелигенпфортен, рослая, мужеподобная и весьма просвещенная особа, подозревая, что творится по ночам в монашеском dormitorio, попыталась пресечь недозволенные вольности. Понаслышке, а может, и на собственном опыте, она твердо знала, что холодная постель — надежное средство подавления половых инстинктов. По меньшей мере раз в неделю, вооружившись фонарем, она устраивала контрольный обход длинного зала, стараясь ничем не выдавать себя. До сих пор, однако, ей не удалось сделать ни одного открытия, нарушающего устав святого Бенедикта.

Причина могла крыться отчасти в свете фонаря, уже издали возвещающем о ее появлении, а может, и в позвякивании четок, которые она, продев под черным наплечником белого монашеского одеяния, оборачивала вокруг тела. Тогда в dormitorio, словно у сурков в горах, раздавался тихий свист, и тут же воцарялся благоговейный покой.

До поры до времени Магдалена была избавлена от попыток сближения со стороны сестер-монахинь. Не то чтобы она была безобразна или как-то иначе обделена природой, совсем наоборот. Создатель наградил ее красиво сложенной фигурой и бюстом, который не удавалось скрыть даже под строгим монашеским одеянием. Причина, скорее, была в другом. Несмотря на низкое происхождение и всего двадцать два года от роду, Магдалена казалась неприступной, от нее так и веяло благородством и достоинством.